

*Вабищевич С. С.,
к.ю.н., доцент, доцент кафедри
гражданского права и процесса филиала Российского
государственного социального университета в г. Минске*

ОСОБЕННОСТИ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье рассматриваются специфические особенности ограниченных вещных прав организаций со статусом юридического лица. Особое внимание уделяется вопросу субъектов и объектов права хозяйственного ведения и оперативного управления с учетом последних изменений в гражданском законодательстве, проводится анализ правовой сути этих прав.

Ключевые слова: вещное право, ограниченное вещное право, право хозяйственного ведения, право оперативного управления.

Постановка проблемы. Необходимость материального обеспечения выполнения государством и его административно-территориальными единицами социальных функций предопределяет участие названных субъектов в имущественном обороте и, в частности, в вещных правоотношениях. Особенности публично-правовых образований как субъектов отношений, регулируемых гражданским правом, ставит вопрос о способе реализации правомочий, составляющих содержание права публичной собственности. Одним из таких способов выступает установление названными субъектами ограниченных вещных прав — права хозяйственного ведения и права оперативного управления — посредством создания унитарных государственных предприятий и учреждений. Данный способ, будучи закрепленным и в отечественном (белорусском) законопорядке, утратил свою, можно сказать, исторически сложившуюся специфику, особенно в последние годы, поскольку стал доступным и для других субъектов гражданского права.

Анализ последних исследований. Оставляя за рамками настоящей статьи подробно исследованные политико-правовые предпосылки современных институтов права хозяйственного ведения и права оперативного управления [1],

отметим лишь, что оформившаяся в Средневековой Европе концепция разделенной собственности стала элементом англо-американской правовой системы. Романо-германским, также как и российским, законопорядком данная юридическая конструкция воспринята не была. Само понятие собственности получило свое закрепление лишь в 1832 г. в Своде законов Российской империи (т. X ч. 1 — Свод законов Гражданских). При этом речь шла об исключительном, независимом и едином праве собственности на один объект.

Цель настоящей статьи состоит в установлении специфики ограниченных вещных прав организаций со статусом юридического лица, определяемой в результате анализа современной правовой конструкции названных прав, закрепленной гражданским законодательством Республики Беларусь.

Изложение основного материала. Формирование единого фонда государственного имущества как результат установления советской власти в России повлекло передачу большей его части в управление государственным организациям. По политическим причинам стать собственниками переданного имущества эти организации не могли, поскольку «социалистическое государство является единым и единственным субъектом права собственности как права присвоения в отношении всех государственных имуществ» [2, 322]. В то же время было необходимо признать особое вещное право за указанными организациями, в связи с чем академиком А. В. Венедиктовым была предложена конструкция права непосредственного оперативного управления, а именно, государственные организации («социалистические госорганы») наделяются определенными правомочиями по владению, пользованию и распоряжению государственным имуществом, которые реализуются «не своей властью и не в своем интересе,

но властью, предоставленной государством и в интересах государства» [2, 591]. Данная конструкция была законодательно закреплена в ст. 21 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и в Гражданских кодексах большинства союзных республик. В 1982 г. Основы были дополнены ст. 261, расширившей перечень субъектов права оперативного управления, но не содержание самого права.

Реформы 1989–1990 гг. имели одним из своих результатов расширение прав государственных предприятий, правовые возможности которого выразились во введении права полного хозяйственного ведения на закрепленное за ними имущество. Данное право впервые было закреплено Основами законодательства СССР об аренде от 23 ноября 1989 г. (ст. 4), а затем получило содержательную характеристику в Законе СССР «О собственности в СССР» от 6 марта 1990 г. и Законе СССР «О предприятиях в СССР» от 4 июня 1990 г., и ограничивалось следующими правами собственника имущества предприятия: создание предприятия; определение целей его деятельности; его реорганизация и ликвидация; контроль за использованием имущества предприятия. Прибыль предприятия в соответствии с нормой п. 1 ст. 25 Закона поступала в распоряжение трудового коллектива предприятия. В отношении предприятий как субъектов права полного хозяйственного ведения указывалось на возможность совершения «любых действий, не противоречащие закону». В соответствии с Законом о собственности имущество, находящееся в государственной собственности, передавалось на праве оперативного управления — государственным учреждениям, на праве полного хозяйственного ведения — государственным предприятиям.

В Законах Республики Беларусь от 11 декабря 1990 г. «О собственности в Республике Беларусь» и от 14 декабря 1990 г. «О предприятиях» право полного хозяйственного ведения и право оперативного управления не упоминались. Право оперативного управления имуществом было включено в ГК 1964 г. в результате его дополнения ст. 871 в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета БССР от 20 марта 1984 г., а право полного хозяйственного ведения — в результате

изменения положений ст. 87 в соответствии с Законом Республики Беларусь от 3 марта 1994 г. При этом в норме ст. 87 речь шла о предприятиях в целом без конкретизации формы собственности, что в совокупности с правилами ст. 4 Закона о предприятиях позволяло сделать вывод о возможности применения закрепленной в ГК 1964 г. конструкции права полного хозяйственного ведения и к предприятиям, создаваемым не только государством, но и другими собственниками. Этим же Законом была изменена норма ст. 871 — категория права оперативного управления стала распространяться только на учреждения, финансируемые за счет собственника.

Гражданский кодекс Республики Беларусь 1998 г. [3] в числе ограниченных вещных прав назвал право оперативного управления, а также право хозяйственного ведения, изменив объем его содержания в пользу собственника, а также субъектный состав названных ограниченных вещных прав. Изменение субъектного состава рассматриваемых ограниченных вещных прав состоит в его расширении. Так, субъектами права хозяйственного ведения признаются унитарное предприятие или государственное объединение, а в случаях, определяемых Президентом Республики Беларусь, иное юридическое лицо, субъектами права оперативного управления — казенное предприятие, учреждение или государственное объединение. При этом собственником передаваемого на праве хозяйственного ведения имущества может выступать не только государство, но и физическое лицо при учреждении частного унитарного предприятия. Таким образом, применительно к отечественному правопорядку будет не точной характеристика права хозяйственного ведения лишь в качестве способов включения государственного имущества в гражданский оборот. Во-первых, подобным образом распорядиться своим имуществом может и физическое лицо — субъект частной собственности, во-вторых, стать обладателем права хозяйственного ведения может не только унитарное предприятие, а организация в любой правовой форме, но с одним условием — при наличии решения Президента. Следовательно, право хозяйственного ведения с точки зрения субъектного состава приобрело черты универсальности, но в содержательном плане свобода титульного

владельца стала более ограниченной. В настоящее время обладатели права хозяйственного ведения не вправе продавать принадлежащее им на праве хозяйственного ведения недвижимое имущество, сдавать его в аренду, в залог, вносить в качестве вклада в уставный фонд хозяйственных обществ и товариществ или иным способом распоряжаться этим имуществом без согласия собственника (п. 3 ст. 276 ГК). Объем правомочия распоряжения субъекта право оперативного управления еще уже. В частности, казенное предприятие вправе отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом лишь с согласия собственника этого имущества (п. 1 ст. 278 ГК).

Следует отметить, что и при таком существенном ограничении возможностей субъектов рассматриваемых вещных прав некоторые представители российской цивилистики высказывают сомнения в целесообразности сохранения этих прав, рассматривая таковые как временное явление, связанное с переходным характером самой экономики [4, 599; 5, 252–254].

Другие исследователи обосновывая недосказанность «вывода о необходимости упразднения хозяйственного ведения и оперативного управления из российской правовой системы», отмечают, что «разрешение законодателем использовать право хозяйственного ведения всем субъектам (речь идет о субъектах частной собственности — *прим. автора*) как способ хозяйствования с их имуществом <...> значительно расширило бы реальные возможности граждан и организаций» [1, 226–228; 6, 150]. В результате анализа сходства в содержании и целях конструирования права хозяйственного ведения и права оперативного управления цитируемый автор считает целесообразным на законодательном уровне объединить указанные институты в один, предусмотрев возможность наделения различных субъектов различным объемом правомочий в рамках единого вторичного права.

Белорусский законодатель, как отмечалось выше, стоит на совершенно иных позициях. В этой связи имеет смысл еще раз вернуться к субъектному составу права хозяйственного ведения. Субъектом указанного права, как отмечалось, теперь может стать коммерческая организация практически любой правовой

формы, а также государственное объединение, которое, по общему правилу, является некоммерческой организацией (п. 4 ст. 1231 ГК). Насколько такой подход согласуется с другими положениями ГК? Из определения понятия «юридическое лицо», закрепленного в п. 1 ст. 44 ГК, вытекает имеющая логическое и практическое обоснование невозможность для организации, например хозяйственного общества, быть одновременно субъектом двух вещных прав — права собственности и права хозяйственного ведения. Следовательно, в рамках ГК имеет место коллизия, которую, на наш взгляд, можно разрешить посредством возврата к имевшему место ранее субъектному составу права хозяйственного ведения.

Вопрос об объекте рассматриваемых вещных прав является дискуссионным. Так, в качестве объекта права хозяйственного ведения называется «предприятие как единый имущественный комплекс, относящийся, в целом, к материальным вещам» [7, 61], предприятие как имущественный комплекс, а также входящие в его состав любые виды имущества, перечисленные в ст. 132 ГК [8, 294], «любое число предприятий как объектов права (ст. 132 ГК), но исключительно в случаях, когда данные имущественные комплексы не составляют всей совокупности имущества унитарного предприятия» [1, 159–169], в качестве объектов права хозяйственного ведения и права оперативного управления — имущественные комплексы, закрепленные на балансе соответствующих организаций [4, 599], комплекс имущества, которое в установленном порядке закреплено за носителями этих прав [9, 735, 738], «не только недвижимое имущество, но и любые вещи, необходимые для деятельности субъектов этих прав ...» [10, 781].

На наш взгляд, включение всего имущества, закрепленного за организацией в принадлежащий ей на праве хозяйственного ведения или оперативного управления имущественный комплекс не соответствует нормам ГК и целям гражданского оборота, поскольку, в частности, не каждое унитарное предприятие и(или) учреждение может обладать имущественным комплексом, особенно сразу после создания в смысле ст. 132 ГК. В норме последней речь вовсе не идет о том, что предприятие должно составлять сразу все имущество организации,

используемое ею для осуществления предпринимательской деятельности; говорится лишь о возможности использования имущественного комплекса для этой цели. Не следует также упускать из виду тот факт, что в соответствии с действующими нормами права, государственная регистрация создания предприятия (как имущественного комплекса) является обязательной в предусмотренных законодательными актами случаях до совершения сделок с предприятием. Таким образом, само предприятие как имущественный комплекс и право на него регистрируются, т.е. возникают при необходимости введения данного комплекса в экономический оборот.

По мнению В. А. Белова, «... смысл обособления имущественного комплекса унитарных предприятий и учреждений в том и состоит, чтобы противопоставить таковой остальному имуществу собственника, выделить его из этого имущества. В случае с другими юридическими лицами такой необходимости нет, ибо все они — собственники обособленного за ними имущества» [11, 129]. В то же время само обособление собственником имущества за организацией на одном из ограниченных вещных прав — праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления — цитируемый автор характеризует в качестве одной из гражданско-правовых форм имущественной обособленности организаций, а именно, ограниченной имущественной обособленности [12, 150–151]. Следовательно, передача имущества соответствующей организации на одном из указанных прав даже без объединения его в рамках имущественного комплекса уже предполагает имущественную обособленность такой организации.

Если исходить из современной законодательной характеристики имущественного комплекса (объект гражданских прав, признаваемый недвижимостью), сведение к последнему всего имущества субъекта права хозяйственного ведения или оперативного управления ставит вопрос о соотношении прав этого субъекта и учредителя при распоряжении этим самым имущественным комплексом. Как отмечает Д. В. Петров, речь идет о том, что при продаже, например, унитарным предприятием всего своего имущества, права учредителя будут переданы другому лицу и, следовательно, прекращены. При этом вопреки

норме п. 1 ст. 424 ГК унитарное предприятие в соответствии с правилом п. 1 ст. 281 ГК сохранит право хозяйственного ведения на это имущество, т. е. возникает противоречие между названными нормами [1, 160–163]. Иными словами, распорядиться имущественным комплексом унитарное предприятие, также как и учреждение, не вправе. Отмеченные особенности определения предприятия посредством понятия «имущественный комплекс» и проблемы реализации правомочия распоряжения имущественным комплексом, объединяющим все имущество субъекта права хозяйственного ведения или оперативного управления, подтверждают следующий из п. 2 ст. 289 ГК вывод о том, что объектом права хозяйственного ведения и права оперативного управления выступают движимые и недвижимые вещи, а также вещи, приобретенные субъектами этих прав в процессе своей деятельности — плоды, продукция и доходы, имущество, приобретенное по договорам или иным основаниям.

К числу недвижимых вещей в данном случае, на наш взгляд, следует относить и земельные участки, поскольку, во-первых, норма п. 1 ст. 262 ГК допускает возможность установления права хозяйственного ведения и права оперативного управления в отношении земельных участков, во-вторых, нормы Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. не содержат какого-либо упоминания об этих правах и прямо не запрещают такую возможность. Более того, в соответствии с правилом ч. 3 ст. 56 данного кодекса, если при реорганизации частной организации, у которой земельный участок находится в частной собственности, создается государственная организация, после принятия решения о реорганизации реорганизуемая организация обязана обратиться в государственный орган, принявший решение о предоставлении земельного участка, с заявлением об изменении *вида вещного права на земельный участок*. Возможность установления права хозяйственного ведения на земельный участок подтверждается также нормами ГК о залоге (п. 2 ст. 315, п. 2 ст. 316 ГК).

Субъект-объектная характеристика рассматриваемых прав предопределяет постановку вопроса об их правовой сущности. Мнение о вещно-правовом характере этих прав не стало общепризнанным ни в литературе советского

періода, ні в сучасних дослідженнях. Проти віднесення права оперативного управління до числа речових виступав О. С. Іоффе. Речовим правам, в частині, праву постійного користування, праву пожиттєвого успадковуваного володіння, полагав автор, присуще своєрідне обмеження права власності. Основне ж призначення права оперативного управління — не обмежувати право власності, а сприяти його реалізації [13]. Нині діючі норми права, що визначають повноваження суб'єктів права господарського ведення і права оперативного управління, свідчать про значне обмеження повноважень власника після передачі майна на одне з перелічених прав. Так, згідно з правилом п. 3 ст. 276 ГК унітарне підприємство має право розпорядитися переданим йому майном з урахуванням певних обмежень, тобто власник не має розпорядитися цим майном до закінчення права господарського ведення. Застосовуючи до закладеного власник має право витягти лише надлишок, невикористане або використовуване не за призначенням майна і розпорядитися ним за своєю волею (п. 2 ст. 277 ГК). В той же час перелічені обставини не зменшують основну функцію права господарського ведення і права оперативного управління — забезпечити включення майна власника в цивільний оборот. Іншими словами, дана функція впливає на речово-правову природу цих прав.

Необхідність відмови від кваліфікації права господарського ведення і права оперативного управління як речових і віднесення їх до різновидів права управління (наряду з правом довірчого управління) обґрунтовує В.А. Белов [11, 172–196]. Такий висновок автора пов'язаний, в першу чергу, з віднесенням майна, закріпленого в господарському веденні і оперативному управлінні, до категорії речових комплексів, а, в другу чергу, з твердженням про те, що «речовий комплекс не є об'єктом цивільних правовідносин, а є цивільно-правовою категорією, що вказує на специфічний (єдиний) правовий режим фізично і юридично різних елементів відомої господарської системи» [12, 276–277]. Оскільки правовий режим — це правова (ідеальна) оболонка,

вона може охоплювати не різноманітні (і реальні, і ідеальні) елементи, а лише ідеальні суб'єкти, в даному випадку — суб'єктивні права і юридичні обов'язки. Отже, стан належності (власності) підприємства (речовий комплекс) як специфічного виду благ повинен оформлятися абсолютним правом особливого роду — правом управління підприємством. В зв'язку з цим норма абз. 2 п. 2 ст. 132 ГК В. А. Белов пропонує читати наступним чином: «До складу підприємства як речового комплексу входять права на всі види майна, призначені для його діяльності» [12, 276–277]. Виникає питання — про які права йдеться в нашому випадку? Відповідь, на наш погляд, очевидна — йдеться про повноваження володіння, користування, розпорядження речами, передаваними власником в певних межах суб'єкту права господарського ведення або оперативного управління, в зв'язку з чим останні переважно авторами стосуються до обмежених або похідних речових прав. Речова природа перелічених прав випливає з багатьох законодавчих актів, в частині, правил про їх застосування за певним об'єктом в разі зміни суб'єкта права власності на нього (п. 1 ст. 281 ГК), про можливість їх абсолютної захисту (п. 3 ст. 217, ст. 286), про їх набуття і закінчення (ст. 280).

Розглядаючи права окремих авторів характеризують як речово-правовий механізм «обособлення *власного* (виділено авт.) майна суб'єктів права» [1, 116–127]. Насправді, законодавець передбачив стан *належності* (тобто, наприклад, п. 2, 6, 8 ст. 113, п. 1 ст. 276 ГК) або *власності* (п. 3 ст. 114 ГК) майна як свого і для суб'єктів права господарського ведення, і для суб'єктів права оперативного управління [1, 102], хоча в більшості випадків йдеться про *закріплення* майна на перелічених правах (п. 1 ст. 113, ст. 277 ГК). Однак належність означає не тільки перебувати в власності, а й володінні когось, а одне з значень прикметного власний (свій) — «знаходячись в безпосередньому веденні, розпорядженні, підпорядженні когось-чого-небудь» [14, 102].

Выводы. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления, как отмечалось ранее, служат гражданско-правовой формой имущественной обособленности соответствующих организаций (п. 1 ст. 44 ГК), однако учредитель организации сохраняет право собственности на переданное ей имущество. Исходя из изложенного, приведенная выше точка зрения по сути не противоречит распространенной точке зрения на указанные права как на «права юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника» [4, 598], т. е. с *чужим* имуществом. Право хозяйственного ведения с точки зрения субъектного состава приобрело черты универсальности, но в содержательном плане свобода титульного владельца стала более ограниченной.

Литература:

1. Петров Д. В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления / Д. В. Петров. — СПб : Юрид. центр Пресс, 2002. — 326 с.
2. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов. — М.-Л. : АН СССР, 1948. — 648 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.
4. Гражданское право : учебник : в 2 т. / В. В. Витрянский [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : БЕК, 2002. — Т. 2. Полумтом 1. — 704 с.
5. Дозорцев В. А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе / В. А. Дозорцев // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. Сборник памяти С. А. Хохлова / Отв. ред. А. Л. Маковский. — М. : Исследовательский центр частного права, 1998. — 600 с.
6. Ершова И. В. Правовой режим государственного имущества в хозяйственном обороте: теоретические основы и пути совершенствования / И. В. Ершова. — М. : Юриспруденция, 2001. — 240 с.
7. Корытов С. О. Юридическая природа права хозяйственного ведения : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. О. Корытов. — Ярославль, 2000. — 26 с.
8. Гражданское право. Часть первая : учебник / Антокольская М. В. [и др.] ; под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2001. — 536 с.
9. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Годунов В. Н. [и др.] ; под общ. ред. В. Ф. Чигира. — Минск : Амалфея, 2000. — 976 с.
10. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. — М. : ТК Велби, 2008. — Т. 1. — 1008 с.
11. Белов В. А. Имущественные комплексы: Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву / В. А. Белов. — М. : Юрайт, 2004. — 220 с.
12. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть : учебник : в 2 т. / В. А. Белов. — М. : Юрайт, 2011. — Т. 2. Лица. Блага. Факты. — 1093 с.

13. Иоффе О. С. Цивилистическая доктрина промышленного капитализма / О. С. Иоффе // Избранные труды по гражданскому праву. — М. : Статут, 2000. — С. 94—95.

14. Ожегов И. С. Толковый словарь русского языка / И. С. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.

Вабищевич С. С. Особливості обмежених речових прав організацій за законодавством Республіки Білорусь

Анотація. У статті розглядаються специфічні особливості обмежених речових прав організацій із статусом юридичної особи на господарювання з чужим майном, закріплені у вітчизняному правопорядку. Особлива увага приділяється питанню про суб'єктів і об'єкти названих прав з урахуванням останніх змін в цивільному законодавстві, проводиться аналіз правової суті цих прав.

Ключові слова: речове право, обмежене речове право, право господарського ведення, право оперативного управління.

Vabishchevich S. Features of the limited real rights of the organisations under the legislation of Byelorussia

Summary. In article specific features of the limited real rights of the organisations with the status of the legal person on managing with another's property, fixed in the domestic law and order are considered. The special attention is given to a question on subjects and objects of the named rights taking into account last changes in the civil legislation, the analysis of legal essence of these rights is carried out.

Keywords: the real right, the limited real right, the right of economic conducting, the operational administration right.